

Николай ПОЛЕСЬЕВ

Тот самый Ростопчин

Эта фамилия известна каждому, хоть немного интересующемуся историей России. Именно граф Фёдор Ростопчин служил генерал-губернатором Москвы на момент захвата её Наполеоном

А что мы знаем о нём?

В период отступления армии к Москве Ростопчин не сумел организовать эвакуацию города. Ему вменяют в вину, что в покинутой Первопрестольной осталось очень много ценностей, которые были разграблены или погибли в пожаре. Да ещё из города не вывезли тысячи и тысячи раненых солдат и офицеров, доставленных сюда после Бородинского сражения. Да и сам пожар, уничтоживший старую Москву, приписывают ему же — Фёдору Ростопчину: будто бы именно он отдал столь варварский приказ.

Так каким же он был, генерал-губернатор Москвы 1812 года?

Есть книга Фёдора Ростопчина с довольно красноречивым названием: «Ох, французы!»... В сборник, выпущенный в 1992 году, включено несколько произведений: «Путешествие в Пруссию» (относится к 1786 году), «Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I», «Ох, французы! Наборная повесть из былей, по-русски писанная», несколько небольших повестей и рассказов из жизни российского дворянина Силы Андреевича Богатырёва, записки Ростопчина о 1812-м и 1815-м годах, ну и «Последние страницы, написанные графом Ростопчиным», относящиеся к 1825-му, когда Москва была взбурдана известием о кончине императора Александра. Есть ещё крохотная, на три странички, зарисовка «Я сам без прикрас», в которой Ростопчин создаёт автопортрет — с юмором, самоиронией, лёгким кокетством, и даже эпитафией.

Стоит отметить, Ростопчин был очень неплохим литератором. У него хороший художественный слог, он весьма наблюдательный путешественник, довольно язвительный человек, ловкий царедворец, умеющий потрафить государю и выгородить себя за счёт другого, а ещё он способен как на милосердие, так и на беспощадность.

Искренний патриот

Ростопчин — истинный патриот своего Отечества. Быть может, даже чуточку квасной. Все сравнения, которые он приводит, идут в пользу русского человека — вне зависимости от сословия, к какому он относится. Мужик или дворянин, солдат или работник почтового ведомства, извозчик или гувернантка — все русские у Ростопчина лучше иностранцев. Даже над прусским королём писатель поёрничал внаглую, а вот с царём проводить параллели поостерёгся.

Интересны его рассуждения о Франции, о Наполеоне, о революции, а также о том влиянии, которое оказывает заморское вольнодумство на умы российской молодёжи. По сути, Фёдор Васильевич предупреждает Россию об опасности грядущего нарастания в стране революционных настроений. Напомню, восстание декабристов случилось ещё при жизни Ростопчина, так что он мог бы с чистой совестью попенять: я же предупреждал!

Зарисовки из жизни обывателя

Очень интересен раздел, где автор пробует себя как беллетрист. Через несколько его разножанровых произведений проходит череда образов дворян, какими Фёдор Васильевич хотел бы их видеть в идеале: честных служак, верноподданных патрио-

тов, добропорядочных семьянинов, рачительных хозяйственников...

Собственно, что образы, что сюжеты довольно прямолинейны и не сказать, что очень уж занимательны. Однако сколько в них бытовых подробностей, через которые постигаешь эпоху! Читаешь, и видишь взаимоотношения между людьми одного круга, между барами и слугами. Видишь, что было принято в отношениях между родственниками, между друзьями, между недоброжелателями, между мужчинами и женщинами...

Граф Ростопчин, царедворец и вельмож, учившийся за границей, на протяжении всей книги показывает, насколько хорошо он знал родной язык. И ратовал

показательно, что принимая назначение на пост, Ростопчин заранее оговорил одно условие. Он просил государя ничем и никак не награждать его во время службы в этой должности. И тем самым мудрый градоначальник оградил себя и от завистников, и от злопыхателей.

Фёдор Васильевич не указывает, откуда у него появилась идея время от времени обращаться к московскому народу с прокламациями. Но в итоге его афишки стали мощным средством идеологической работы с населением. Они выполняли роль сводок Совинформбюро образца начала XIX столетия. В них Ростопчин доносил до народа ту версию событий на фронте, которая представлялась более целесообразной, информировал о ситуации в Москве и окрестностях, а также сообщал о мерах, принимаемых властями. Ну и — что тоже немаловажно — афишки стали мощным средством борьбы со слухами, паническими настроениями, вражеской пропагандой.

Москва до последнего продолжала поставлять в действующую армию ополчение, вооружение и боеприпасы, продовольствие, шанцевый инструмент. Все эти грузы отправлялись в войска гужевым транспортом, и назад лошади возвращались очень редко — войска их реквизируют. Раньше я и не задумывался над этой стороной вопроса. Эвакуация, казалось, только слово. Чтобы реализовать её, нужен транспорт, а он действовал в первую очередь в интересах армии. Война выявила эту громадную проблему!

Не имея возможности отправлять раненых телегами, Ростопчин организовал их перевозку баржами в Коломну по Москве-реке. В том, что в огне и дыму оставленной Москвы погибли тысячи солдат и офицеров, получивших ранения на Бородинском поле, генерал-губернатор, бесспорно, повинен лишь в какой-то степени — для спасения увечных он тоже сделал немало.

за то, чтобы молодое поколение его знало! Он — здоровый консерватор, который последовательно выступает за сохранение привычного уклада жизни и против проникновения в повседневный быт иноземного влияния. Начать же Ростопчин предлагал с того, чтобы рассказывать младенцам сказки русские, а не иностранные.

А как он отстаивал русскую кухню, противопоставляя её заморским кушаньям!

Гроза 12-го года

С нетерпением я продвигался к событиям 1812 года. Как ты оправдаешься? — думал я, приступая к чтению мемуаров двухсотлетней давности.

Конечно, мемуары для того и предназначены, чтобы оправдывать свои промахи, однако есть в них то, чего не было раньше. Деятельность генерал-губернатора, быть может, не всегда выглядела последовательной и достаточно продуманной, и тем не менее, отвечала требованиям момента. Вряд ли кто смог бы сделать для Москвы и для России больше, чем Ростопчин.

Фёдор Васильевич показывает, как менялся характер принимаемых им решений в зависимости от того, насколько война приближалась к Москве. Давая характеристики полководцам российского воинства, генерал-губернатор подчёркивает, что едва не до последнего дня не знал, будет ли сдана Москва неприятелю. Сам он, отслуживший в молодости в гвардии, в какой-то момент понял, что Первопрестольную придётся оставить. Однако Кутузов продолжал заверять всех окружающих, что ещё не всё потеряно и на ближних подступах к городу состоится ещё одно решающее сражение.

Мог ли Ростопчин в этих условиях отдать приказ об оставлении города его жителями? Генерал-губернатор колебался и оттягивал окончательное решение. Наверное, слишком долго. Но можно ли его в этом упрекнуть? Свою собственную семью Ростопчин отправил в эвакуацию буквально в последний момент, когда в том, что город падёт, ни у кого не оставалось ни малейшего сомнения.

В вину Ростопчину ставят и то, что прежде чем покинуть город, он выпустил на свободу заключённых — они-де и устраивали поджоги. Автор пишет и об этом. А что он должен был сделать? Казнить их? Эвакуировать тюрьмы? Но на это нужен был бы транспорт. Оставить людей запертыми в камерах, сняв охрану и лишив довольствия, он тоже не мог из чисто человеческих побуждений.

Ростопчин указывает, что даже в те трудные времена, когда от общества требовалось единение, имело место и воровство. Схема проста. По заранее продуманному маршруту отправлялся транспорт с грузом. Этот транспорт попадал в руки неприятелю. А соответствующий начальник списывал под этот факт огромные суммы. Откуда-то это кажется нам знакомо..

Да-а, ничто не ново в этом мире, и даже это.

Спасибо Фёдору Ростопчину за его прекрасную книгу, на многое открывшую глаза! Как здорово, что она попала мне в руки!